

О ЭЙНЕРЛИНГЕ С. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЭЙНЕРЛИНГ Сергей Александрович, родился в 1906. Окончил школу в Петрограде-Ленинграде и курсы монтеров, поступил в Ленинградский университет, подрабатывал чернорабочим и ночным сторожем. 21 февраля 1928 — арестован по групповому делу, приговорен к 3 годам ссылки на Урал и отправлен в деревню Шишко Ирбитского округа¹.

В июле 1929 — его мать, Глафира Адольфовна Эйнерлинг, обратилась с заявлением в ОГПУ.

<8 июля 1929>

«ОГПУ

Гр<ажданки> Глафиры Адольфовны
Эйнерлинг (<псевдоним> Г. Галина)
прожив<ающей> в Нов<ой> Деревне,
Саби́ровская ул<ица>, д<ом> 38, кв. 1

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сын мой Сергей Александрович Эйнерлинг (23 лет), был арестован 21 февраля 1928 г<ода> в Ленинграде и выслан на три года на поселение в Уральскую обл<асть>, Ирбитский Окр<уг>, Табаринский район, деревня Шишко, где он сейчас и находится.

Прошу о сокращении ему срока ссылки, из снисхождения к его молодости, тем более, что никакого серьезного обвинения не было ему предъявлено.

Прошу взять во внимание его трудовую жизнь учащегося и рабочего — он был студентом Ленинградского Универ<ситета> и в то же время нес службу ночного сторожа Объединения домов в Нов<ой> Деревне по Саби́ровской улице, а до того был чернорабочим и окончил курс на монтера. Своим трудом он содержал меня и своего младшего брата и помогал сестре с двумя детьми.

Хвораю, не в состоянии оправиться от этой несчастной случайности с моим сыном, решила обратиться с просьбой, как престарелая мать и как старая революционная писательница, по мере сил служившая своим словом и делом святому для меня делу Революции, за что и подвергалась обыскам и высылке: под псевдон<имом> Г. Галина была сотрудницей передовых журналов "Мир божий" и "Русское богатство" и в изд<ательстве> Бонч Бруевича — "Жизнь и знание".

С июля 1929 года мне назначена персональная пенсия от Нарком<ата> просв<ещения> по ходатайству В<сесоюзного> С<оюза> П<исателей>, членом которого я состою. Мое тяжелое болезненное состояние подтверждается тем, что я прошла по 2-й категории инвалидности (при Врачебной экспертизе), и разлука с сыном мне особенно трудна, потому и прошу вернуть матери сына, который еще сможет и хочет быть полезным членом нового строительства жизни, если ему будет дана к этому возможность.

Г. А. Эйнерлинг.

8 июля 1929 года»².

В июне 1930 — Глафира Адольфовна Эйнерлинг обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<30 июня 1928>

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 400. С. 119-127.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 394. С. 175-176. Автограф.

«Уважаемая Екатерина Павловна!

В моем большом горе надумала я обратиться к Вам (как только узнала, что Вы в Кр<асном> Кресте). Не только как отзывчивый человек, но как мать, Вы поймете, я знаю, меня.

Старший мой сын, Сергей Александрович Эйнерлинг по паспорту, а в действительности, сын вечно любимого мной погибшего Сергея Ник<олаевича> Миловского-Елеонского, студент 1-го курса Ленингр<адского> Унив<ерситета>, 22 лет, арестован 21 февр<аля> 1928 г<ода> и находится в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> (3 отд<еление>, 23 кам<ера>). Привлечен по ст<атье> 58-11 за участие, якобы, в кружке Андреевского. Арестовано по этому делу много молодежи и несколько профессоров. Следствие закончено и пошло недавно в Москву (следователь т<оварищ> Стромин).

Прокурор и Гартман сказали мне, что все по этому делу будут высланы.

Может быть, Вы читали ст<атью> Тура в "Правде" 14 июня "Пепел дубов", где говорится о кружке Андреевского под названием "кружок братьев Серафима Саровского", а также и о другом кружке под названием "Космическая Академия Наук", как о черносотенном, контрреволюц<ионном> заговоре. Я знала каждый шаг моего сына (ему нечего было скрывать). Дни он учился, а ночи дежурил по нашей улице в Нов<ой> Дер<евне>. Он взял эту должность ночного сторожа, чтобы поддержать нашу семью, меня и моего младшего сына (17 лет, сын Сер<гея> Ив<ановича> Гусева-Оренбургского) и дочери моей от первого брака с двумя маленькими детьми, без мужа и заработка. Ни о каких кружках я от него не слышала, бывал он изредка у своего старого учителя по гимназии Ивана Мих<айловича> Андреевского, работал у него на квартире как монтер и приносил мне иногда от него беллетристику (почему фамилия моего сына находится в списке знакомых Андреевского, бравших у него книги).

Этот Андреевский чудесный человек, по словам всех, знавших его (лично я с ним не знакома), но с религиозным уклоном. Не мудрено, что у него велись беседы на религиозно-философские темы, он почитатель Серафима Саровского, но ни о чем "черносотенном" или "контрреволюционном" здесь не может быть и речи.

Если моего сына вышлют, я лишаюсь всего, в материальном и духовном смысле, он моя поддержка, моя сила, моя жизнь...

Второй сын мой, Ваня, тоже хороший сын и человек, но он еще очень юн, и ему тоже приходится биться с нуждой, и не может он следовать своему влечению (он художник-самоучка, уже 14-ти лет он делал иллюстрации в изд<ательстве> "Радуга", где, к сожалению, работы сейчас нет). Вся наша надежда была на нашего старшего — Сережу, на его будущность. И вот теперь этой роковой случайностью все может быть разбито! За что? Почему?

Я умоляю Вас и Алексея Максимовича, (которому прошу показать это письмо) сделать что-нибудь для облегчения участи моего бедного сына (повторяю и клянусь, он заслуживает этого...).

Тороплюсь написать Вам, пока, вероятно, есть еще время, что надо сделать по этому делу в Москве. Хотя бы только чтобы сын мой мог продолжать учение!

Не знаю, окончательно ли он обвинен, но раз дело в Москве, то всего можно ожидать. На Вас, Екатерина Павловна, и на Алексея Максимовича моя последняя надежда. Я так ждала его приезда в Ленинград и верю, что он не откажется заступиться за молодую жизнь. Передайте ему, пожалуйста, мой горячий, сердечный привет.

Жму Вашу руку.

Г. Эйнерлинг-Покровская (Г. Галина).

P. S. Не имею никаких сведений о Сергее Ив<ановиче> Гусеве-Оренбургском уже много лет. Жив ли он?

Адрес мой: Ленинград, Новая Деревня, Сабировская ул<ица>, дом 38, кв. 1.

Глафира Адольфовна Эйнерлинг-Покровская.

30 июня 1930 г<ода>»³.

В августе 1930 — Глафира Адольфовна Эйнерлинг, обратилась с благодарностью и за новым советом к Екатерине Павловне Пешковой.

<8 августа 1928>

«Сердечно благодарю Вас, уважаемая Екатерина Павловна, за ответ — надеюсь на Вас и на Высшую справедливость. Характеристику моего сына я еще в июне дала в своем письме прокурору, где изложила все известное мне по этому делу. Письмо это я лично передала прокурору Владимирову, и он сказал, что оно пойдет к делу, но переслано ли оно в Москву, — я не знаю. Кроме того я пыталась выяснить личность моего сына прокурору Стромину при личном свидании еще в апреле. Думаю, теперь уже поздно что-нибудь прибавлять к этому.

И еще новая просьба у меня к Вам. Дело в том, что я хлопочу сейчас усиленно о помощи (через В<сесоюзный> С<оюз> П<исателей>), уже прошла врачебную экспертизу, дали мне вторую категорию — вот какой я инвалид. Но одна добрая душа в Союзе (Ганзен) советовала мне непременно для верного успеха в моем ходатайстве заручиться свидетельством о моей прошлой революционной деятельности, от кого-нибудь, чье имя имело бы значение и вес. Думаю, Алексей Максимович не отказал бы мне в этом, ведь он достаточно знал мою физиономию с этой стороны — когда-то мы вместе с ним подписывали всякие петиции в Союзе. А, может быть, достаточно было бы и Вашего слова.

Почти не сомневаюсь в этом. Я, второпях, не расспросила Ганзен, как оформить это свидетельство, но я думаю, что если Вы захотите в этом помочь, то Вам дорогу найти легко. Мое дело тоже будет решаться в Москве (как сказала мне Ганзен), но ждать придется еще долго. Потому и решила побеспокоить Вас.

Если я эту пенсию не получу, у меня с высылкой сына создается безвыходное положение, — я не буду в состоянии ему материально помогать, не говоря уж о том, как мы будем без него жить. Страшно и подумать о надвигающейся зиме.

"Глаза даны женщине для слез", — писал мне когда-то отец моего «Сережи» (так зовут моего "арестантика"), все же я стараюсь не плакать и простите меня, дорогая, уважаемая Екатерина Павловна, что я поделилась с Вами своим горем — у Вас сердце матери, я знаю.

Еще и еще благодарю Вас за Вашу добрую готовность последить за делом моего сына.

Позвольте крепко пожать Вам руку.

Г<лафира> Эйнерлинг.

Мой горячий привет Алексею Максимовичу
Ленинград Нов<ая> Дер<евня>, Сабировская, 38, кв. 1.

Очень прошу Вас мне письма слать заказными, т<ак> к<ак> у нас случаются пропажи писем, а не получить Ваше письмо для нас уж будет целое несчастье!

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 468. С. 167-168. Автограф.

7 августа <1930 года>»⁴.

В декабре 1930 — Сергей Александрович Эйнерлинг находился в селе Слобода Ирбитского округа. В декабре 1930 и январе 1931 — о смягчении его участи дважды обращались в Помполит⁵. 24 января 1931 — освобожден из ссылки с ограничением проживания с прикреплением на 3 года (-14).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 468. С.164-165. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 492. С. 154-157; Д. 671. С. 114-117.